

Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

г. Екатеринбург, Россия

verbalis@mail.ru

УДК 81'42

ЯЗЫК ВРАЖДЫ И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ПЕЧАТНЫХ СМИ: ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. Статья посвящена феномену языка вражды и его представлению в современных печатных СМИ. Динамические процессы, соотносимые с языком вражды, детерминированы, прежде всего, группой экстралингвистических факторов: усиливающимся расколом общества, воздействием Интернет-дискурса, а также влиянием постмодернизма, которое проявляется в повышенной степени интертекстуальности и фейковости сообщений СМИ. Кроме того, динамика языка вражды обусловлена внутриязыковыми и внутритекстовыми процессами, в частности – расширением репертуара первичных речевых жанров, используемых для внутренней организации более крупных публицистических текстов. Материал массовой прессы последних лет свидетельствует и о том, что влияние экстралингвистических факторов текстообразования на лингвистическую специфику языка вражды проявляется в конвергенции (возросшей концентрации негативно-оценочных языковых средств на небольшом отрезке текста) и в повышенной степени диалогизации монологической речи, что придает журналистскому тексту выраженный полемический характер.

Ключевые слова: язык вражды, языковые средства, язык СМИ, печатные СМИ, средства массовой информации, журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы, жанровый корпус

RUZHENTSEVA NATALIA B

Yekaterinburg Russia

HATE SPEECH AND ITS REPRESENTATION IN PRINTED MASS MEDIA: DYNAMIC PROCESSES

Abstract. The paper deals with the phenomenon of hate speech and its representation in modern printed mass media. The dynamic processes which are related to hate speech are determined primarily by a group of extralinguistic factors: the ever-greater polarization in the society, the influence

of the Internet discourse, the impact of postmodernism. The latter is manifested in the greater degree of intertextuality and fake character of mass media messages. Moreover, the dynamics of hate speech is triggered by intra-language and intra-textual processes, namely by the extension of the initial speech genres' repertoire that is used to build bigger mass media texts. The modern mass media material shows that the influence of extralinguistic factors of text-building on the linguistic specifics of the hate speech finds expression in the convergence (the growing number of negatively evaluated means in a short text abstract) and the increased degree of the dialogical character of monologues which adds to the polemical character of the journalist's text.

Keywords: hate speech, printed mass media, linguistic and extralinguistic factors, genre corpus

Феномен «языка вражды» достаточно давно исследуется с научных позиций социологии и этнологии [Верховский 2007, Дзялошинский 2002], лингвопрагматики и лингвостилистики [Сковородников, Копнина 2008], а также в рамках лингвоэтического направления [Сурикова 2012]. Очень большой интерес язык вражды представляет для юрислингвистики, и в частности – в связи с проблемами исследования инвективной лексики [Бринев 2016, Войниканис 2008, Серебрякова 2017, Шарифуллин 2004 и др.]. В свою очередь, наш научный интерес к языку вражды лежит в области медиалингвистики и медиастилистики [Евстафьева 2009, Кара-Мурза 2010, Свешникова, Ягубова 2004 и др.]. Во многом это обусловлено тем, что СМИ перманентно предоставляют исследователям огромный материал для изучения генезиса форм и тенденций развития данной языковой разновидности.

В настоящее время семантическое наполнение понятия «язык вражды» не является устойчивым. Так, с точки зрения А.В. Евстафьевой «понятие «язык вражды» при всем разнообразии его дефиниций имеет два обязательных компонента: негативное значение выражения и обязательную адресацию» [Евстафьева 2009: 7]. В свою очередь, М. Кронгауз характеризует язык вражды исходя не только из его адресации, но и из коммуникативно-прагматических признаков. Это «умение хлестко выразиться об отсутствующем оппоненте – каждый высказывается в своем

кругу, находясь среди своих сторонников...оскорбительные слова должны быть обидными и запоминаться надолго. В них нет особой точности – скорее образность и связность, иногда смысловая, иногда чисто фонетическая с другими явлениями, как правило, неприятными» (из интервью с М. Кронгаузом. Аргументы недели № 33 (727) 28. 08. 2020).

Формирование языка вражды можно, на наш взгляд, сравнить с эффектом маятника, который не задерживается в одной точке. На материале массовой прессы попытаемся охарактеризовать сегодняшнее состояние языка вражды, взяв в качестве отправной точки основное положение исследования А.В. Евстафьевой, проведенного во второй половине 2000-х годов: «Лингвистические и экстралингвистические факторы, комплексно определяющие специфику функционирования «языка вражды» в СМИ, оказывают влияние на его генезис в современный период, предопределяя нарастающую тенденцию к предпочтению в использовании завуалированных форм исследуемого феномена при игнорировании открытых форм как наиболее экспрессивно сильных» [Евстафьева 2009: 8]. Со своей стороны, мы считаем, что в настоящее время в формировании языка вражды наблюдается обратный процесс – тенденция к активному использованию открытых, экспрессивно сильных форм.

Переходу к открытым формам на разных уровнях языковой и текстовой систем способствует ряд экстралингвистических факторов. К ним относятся:

1. Увеличивающийся раскол общества, ср.: *«В политическом смысле наше общество настолько расколото, что содержательных диалогов, дискуссий между разными его частями давно уже не ведется. Зато интенсивно разрабатывается язык вражды...»* (из интервью с М. Кронгаузом). В качестве примера приведем языковую репрезентацию раскола между бедными и богатыми:

Что в итоге? Про реальные зарплаты государство нам ВРЕТ, бедным, которых все больше, не помогает ни капли. Слова про социальное государство в РФ уже не первое десятилетие – АБСОЛЮТНЫЙ ПШИК... В США хотя бы пособия НЕ ФУФЛО, да и медицина для бедных стала едва не бесплатной (АН № 45 (689) 20. 11. 2019).

2. Влияние блогосферы: *«... герой нашего времени – блогер. Именно в нем воплощается главная драма эпохи, которая состоит во*

взаимоотношениях онлайн и офлайн... Например, ответственность человека за свои слова. В блогосфере мы за свои слова не отвечаем по определению» (из интервью с писателем Алексеем Ивановым. АИФ Урал № 40, 2020).

В целом в соцсетях происходит резкое увеличение количества слов с негативно-оценочной семантикой и агрессивным потенциалом: *хейтить* (ненавидеть), *хейтер*, *тролль*, *троллинг*, *абьюзер*, *газлайтинг*, *токсичный*, *хайп* (резонанс, шумиха, агрессивный пиар) и др. И взрослый, и подростковый новояз по происхождению восходят к Интернету: *выбешивать*, *требошир* (в основе слово *дебошир*), к языку «сетевых подонков», к наркоманскому сленгу и к тюремному аргю, ср.: *заиквар* – *стыд*, *позор*. Отсюда в социальных сетях возрастает и общий уровень агрессии: *«Посмотрите на стиль взаимодействия в интернет-сфере. В переписке ничего не стоит оскорбить человека, более того, нередко слышны угрозы в адрес друг друга. О сниженной лексике в ходе такой полемики я даже и не говорю. Она сегодня – привычное дело» (из интервью с профессором Д. Стровским. АИФ Урал № 24. 2020).* Как следствие – агрессивное речевое поведение становится привычным и переходит в СМИ, ср., ярлыки, использованные лишь в одной публикации *«К суверенитету России подтолкнули американцы»:*

Этим шагом ИНТРИГАН рассчитывал переманить руководство автономий в свой лагерь и создать коалицию вокруг Ельцина.

30 лет назад это ПЬЯНОЕ МУРЛО сделало несчастными десятки миллионов людей.

ПРЕДАТЕЛИ из так называемого демократического лагеря ответственвали дальнейшее расчленение страны. Захватившие все медиапространство ПОДЛЕЦЫ открыто поощряли сепаратизм.

...Студия, заполненная такими же МОРАЛЬНЫМИ УРОДАМИ, отвечала дружными оациями.

Спустя 30 лет после «парада суверенитетов» этот призыв ЛИБЕРАЛЫ-ГРАНТОЕДЫ вытащили из пыльной кладовки в Хабаровске, где одураченный народ митингует за арестованного губернатора Сергея Фургала (Экспресс газета № 35 (1332) 2020).

3. Влияние постмодернизма: *«Один из принципов современного формата культуры – формата постмодерна – ни в чем не искать смысла, во всем искать заговор. Так устроена современная культура... Вся страна живет в формате постмодерна. Посмотрите, мы*

сейчас живем в стране, которая одновременно является и наследницей Российской империи, и наследницей Советского Союза, и глобалистской страной, и одновременной очень архаичной... То есть мы живем в очень сложно устроенной лоскутной стране, и такая лоскутность – это как раз характерный признак постмодерна» (из интервью с писателем А. Ивановым. АИФ Урал № 40 2020).

Концепция заговора ведет к фейковости сообщений, к обращению к непроверенной информации, в том числе – к использованию слухов. Следствием является, прежде всего, снижение способности к рационально-критической переработке информации и замена логических аргументов эмоциональными. Приведем пример некритического использования слухов в контексте общей агрессивной тональности высказывания из статьи писателя Ю. Полякова о сегодняшнем положении во МХАТе:

...С тем, как ведут себя «обновленцы» в отношении оппонентов, в полном формате я столкнулся только после того, как во МХАТ им. Горького был по всем правилам молниеносной спецоперации заброшен Эдуард Бояков. ГОВОРЯТ, сама идея внедрения родилась в гламурно-православных кругах, где каждому новообращенному атеисту, бывшему дзен-буддисту или раскаявшемуся тантрическому эротоману радуются так, как в былые годы старые большевики умилялись класово близкому уголовнику, по складам читающему «Азбуку коммунизма» (АН № 5 (699) 12. 02. 2020).

В свою очередь, интертекстуальность, свойственная постмодернистским текстам, приводит к использованию большого количеству ПФ с агрессивным потенциалом. Очень часто этот потенциал реализуется посредством трансформированных высказываний, содержащих отсылку к известному оригиналу, ср.: *Извечный вопрос русского человека: «у кого бы перехватить до зарплаты?» власть Российской Федерации поставила перпендикулярно народу: «Как бы никому не дать денег до зарплаты?»* (отсылка к вопросу: *Что делать?* АН № 45 (689) 20. 11. 2019); *Где лишние баррели и доллары, Зин?* (отсылка к тексту В. Высоцкого. Там же); *«Правительственные Волан-де-Морты «остолбей!» командуют всему, что может составить конкуренцию мировым грандам глобального рынка. Кроме, естественно, углеводородного сырья* (отсылка к книге Дж. Роулинг о Гарри Потере. АН № 1 (695) 15. 01. 2020).

Приведенные выше высказывания свидетельствуют о том, что динамике языка вражды способствует возрастающая диалогичность текста, его внутренняя оппозитивность. Это характерно для постмодернистской парадигмы, ср.: «... интрига «своего» и «чужого» становится доминантой смыслопорождения для создающего и воспринимающего текст» [Сметанина 2002: 99]. В свою очередь, присутствие «чужого» и диалог с ним обуславливает частое употребление приемов некорректной полемики, и прежде всего – агрессивный переход на личность оппонента, ср.: *Государство же... может позволить себе играть вдолгую и реально влиять на курсы черного золота на международных рынках. При этом весь навар, вся маржа достается не КУЧКЕ ЖИРНЫХ НЕФТЯНЫХ КОТОВ, а бюджету. В нашем случае – бюджету Российской Федерации* (АН № 45 (689) 20. 11. 2019).

4. Внутриязыковые и внутритекстовые процессы:

В связи с этим интересно привести мнение академика В. Костомарова, высказанное им в интервью для АИФ: *«Нынешняя синхрония русского языка тянется долго. Я бы сказал, что это выглядит странно. И с учетом того, что в нашу речь проникло много иностранных заимствований и интернет-сленга, можно опасаться, что они изменят синхронию. Произойдет (и уже происходит) революция в написании текстов, их структуре, системе передачи»* (АИФ № 7 2020).

Сказанное касается переосмысления значений отдельных слов и выражений. Самым ярким примером является, конечно, появление юридического термина *иностраный агент* (иноагент). Термин по определению должен быть нейтральным, однако выражение немедленно обрело негативно-оценочное значение, ср., мнение М. Кронгауза:

«Термин производит сильное впечатление. С одной стороны, это просто перевод американского юридического термина foreign agent из знаменитого «Акта о регистрации иностранных агентов, принятого в США в 1938 году. С другой стороны, у словосочетания «иностраный агент» в русском языке есть устойчивые и негативные ассоциации. Это подтвердил опрос, проведенный «Левада-центром», в котором более 60% опрошенных сказали, что для них это прежде всего «шпион, представитель иностранных спецслужб». Использование в новом законе столь эмоционально окрашенных слов – исключительная

редкость. Юридический статус вроде бы нейтральный, но сразу воспринимается негативно» (Из интервью с М. Кронгаузом).

Однако самое значительное увеличение открытых экспрессивных форм языка вражды происходит на уровне текста и связано с расширением жанрового корпуса. В исследовании, проведенном 12 лет назад, А.В. Евстафьева выделяет следующую закономерность: «Анализ прагматических основ функционирования «языка вражды» в СМИ позволил выявить, что исследуемое явление реализуется в восьми речевых жанрах (призыв, порицание, сравнение, намек, ирония, грубое требование, оскорбление и сарказм)» [Евстафьева 2009: 17], хотя, на наш взгляд, речь идет лишь о шести речевых жанрах, так как под иронией и сарказмом традиционно понимаются не жанровые разновидности, а формы представления комического или пафос текста. В настоящее время число речевых жанров, интенцией которых является трансляция враждебного отношения к оппоненту, перманентно увеличивается. Приведем примеры таких РЖ лишь в двух газетных публикациях (А. Чуйков «Этот стон у нас «деньги» зовется» и К. Гурдин «Премьер перешел черту бедности». АН № 45 (689) 20. 11. 2019). Заметим, что эти жанровые формы чаще всего приобретают ироническую или даже саркастическую тональность.

1. Ироническое опровержение

Об этих самых инвестициях все наши министры говорят с придыханием и шепотом, как будто молятся: «Пошли нам, боже, золотой дождь из долларов и евро!» Ага, сейчас придет такой добрый дядя Джон, у которого американских денег американские куры не клюют, и отсыплет безвозмездно на развитие России-матушки.

2. Иронический диалог

Кто же выдает лицензию, определяющую права собственности? Правильно! Правительство непотопляемого Дмитрия Анатольевича, Того, который: «Денег нет! Но вы держитесь».

3. Ироническое обвинение

Вот ведь народишко подлый пошел, так и норовят в карман государству залезть! А там не все так густо, как кажется. Своим, понимаешь, не хватает.

4. Ироническое (и даже саркастическое) объяснение, интерпретация

Накануне выхода этого материала в госновостях ведущая, дежурно захлебываясь от восторга, озвучила: «Объем Фонда национального благосостояния к концу года вырастет до 7 триллионов 808,9 миллиарда рублей. В 2020 году фонд продолжит увеличиваться до 11,370 триллиона рублей. А в 2021 году ФНБ вырастет до 14,189 триллиона рублей.

Переводим это на русский язык: «Каждый год мы планируем ограбить экономику на несколько триллионов, спрятав их в неконтролируемую кубышку. Мы не планируем вводить государственную собственность на нефть и газ. Мы планируем позволить жирным котам и дальше продолжать зарабатывать на запасах нашей родины восемь с лишним триллионов в год. Нам наплевать на модернизацию экономики, а значит, и страны. Мы просто тупо грабим Россию. Бизнес – ничего личного».

5. Ироническая благодарность

Спасибо правительству, у которого на людей денег нет.

6. Иронический прогноз

Конечно, можно прописать в документах любые красивые сказки. Но пока бедность не только не слушается премьера, но, напротив, упорно растет. По сути, при нынешней социальной политике план уже полностью сорван, шансов выполнить – ноль.

7. Апеллятив

Гнать надо таких министров мокрыми тряпками по улице Горького, как гнали пленных фашистов.

8. Риторический вопрос

Но какая, к лешему, Конституция, когда на кону триллионы даже не рублей, а родной для российских чиновников американской валюты?

9. Сопоставление

Для правительства Медведева куда дешевле и проще подкинуть миллиард-другой мелким дьякам из росстатовского приказа, чем реально сделать хоть что-то для бедных.

10. Ироническое резюме (в сочетании с РЖ «воспоминание»)

Мы получили повальную бедность даже работающего населения. Нищенские пенсии стариков. «Оптимизацию» медицины и «реформу образования». Убитую в хлам промышленность. Технологическую – на десятилетия – отсталость. Трещание госпропаганды о величии на фоне «родных» 1,7% от мирового ВВП. Убитые моногорода, села, дороги, инфраструктуру услуг и грабительский экспорт невозобнов-

ляемых сырьевых ресурсов. Что еще? Ах, да – запись в Основном законе о социальном государстве и недрах на благо народа.

11. Информационное сообщение (в сочетании с намеком на известное предложение чиновницы питаться «макарошками»):

Те же люди, которые недавно по факту оставили миллионы людей без пенсий, предложили урезать социальную помощь для «недостаточно бедных», предложили народу месяцами жить на одних макаронах. Они же охотно взяли под козырек, ринувшись выполнять высочайший указ по снижению уровня бедности.

В свою очередь, в репертуар закрытых, имплицитных средств репрезентации языка вражды в последнее время активно входят метаоператоры [Вепрева 2005: 80] и другие виды метарефлективов, используемых в текстах современных СМИ, ср.: «В этих условиях известную остроту приобретают так называемые социальные метаязыковые рефлексивы, в нашем случае имеющие отношение к общекультурной оппозиции «свой – чужой» [Садова 2019: 129]. Приведем пример актуализации враждебности, чуждости субъекта, о котором идет речь, посредством метарефлекси́ва свет: «... деньги внутри страны есть, и деньги гигантские. Сегодня они оседают в чьих-то карманах, а могли бы просто по мановению руки Дмитрия СВЕТ Анатольевича Медведева работать на всю страну, на весь народ» (Там же). Заметим, что функцию передачи негативно-оценочных метасообщений в настоящее время активно стали выполнять лексемы *просто, практически, фактически, так называемый*, а также некоторые именованья лиц, ср.: «... Написав и протолкнув в 1992 году первую версию закона о недрах, не поправив его за прошедшие 28 лет, спрятавшиеся в тени ГОСПОДА обрекли нашу страну на позорное 59 место по уровню жизни» (Там же).

И все же в текстах СМИ в первую очередь используется репертуар открытых средств языка вражды. Это находит выражение в частом употреблении этих средств и их конвергенции – «схождении в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» [Арнольд 1981: 45]. Приведем пример конвергенции языковых средств, исполь-

зование которых детерминировано экстралингвистическими факторами (отношением автора текста – писателя Юрия Полякова – к своему оппоненту-врагу). В небольшом фрагменте сочетаются открытые и закрытые средства языка вражды (иронический оксюморон *круглые столы с острыми углами*; метаоператоры *как говорится, если не сказать*; ярлык *гормональные либералы* и апелляция к слухам, неопределенная адресация – мол): «С Эдуардом Бояковым – мы, как говорится, давние идейно-эстетические оппоненты, если не сказать – враги. Много лет я резко полемизировал с ним в печати и на разных круглых столах с острыми углами. Пикантность ситуации заключается в том, что еще совсем недавно он придерживался абсолютно иных взглядов, типичных для гормональных либералов. Мол, режиссер имеет право на любой эксперимент без всяких моральных ограничений. Ни о какой воспитательной функции театра речи вести нельзя в принципе. Зритель в зале допустим, но не обязателен. Власть – враг, абсолютное зло. Патриотизм – последнее прибежище негодяя» (АН №5 (699) 12. 02. 2020).

Таким образом, современный язык вражды в печатных СМИ включает в себя целый комплекс эксплицитных средств выражения смысла «чужой» и негативного отношения к тому, о ком идет речь. Репертуар достаточно традиционных средств языка вражды (ярлыков, негативно-оценочной лексики и фразеологии, а также сравнительно небольшого числа жанровых форм) расширился в настоящее время за счет:

- возрастания жанрового разнообразия текстов, репрезентирующих враждебность;
- преобладания в текстах, соотносимых с этими РЖ, иронического пафоса;
- концентрации средств языка вражды на небольшом отрезке текста;
- лексических процессов (заимствований из английского языка и языка блогосферы);
- фейковости сообщений вследствие распространенности теории заговора и слабой ответственности автора за высказывание;
- повышенной степени интертекстуальности и диалогизации монологического текста, что, в свою очередь, предполагает ис-

пользование в журналистском тексте приемов некорректной полемики.

Думается, что динамические процессы, связанные с языком вражды и общим повышением агрессивности высказываний в печатных изданиях, ждут своего изучения, прежде всего, в плане сопоставления офлайн-овых и онлайн-овых СМИ.

Литература

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.

Верховский А.М. «Язык вражды» против общества: сборник статей 2007. М.: Сова, 2007. – 268с.

Бринев К.И. Справочник по судебной экспертизе. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. – 200 с.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. – 384с.

Войниканис Е.А. Язык СМИ: правовые проблемы // Язык средств массовой информации. М.: Академический проект; Альма-Матер, 2008. С. 216-226.

Дзялошинский И.М. Кому выгодно тиражирование нетерпимости? // Язык мой. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.:РОО «Центр Панорама», 2002. С. 100-114.

Евстафьева А.В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: 2009. – 26с.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 114-124.

Садова Т.С. Метаязыковая рефлексия российских СМИ: по-русски говоря //Русистика в XXI веке: Тенденции и направления развития. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. С. 128-132.

Свешникова Н.В., Ягубова М.А. Власть сниженного слова в языке СМИ // Проблемы речевой коммуникации. 2004. Вып. 4. Власть и речь. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2004. С. 120-128.

Серебрякова А.Ю. Инвектива как семантическое средство выражения экстремизма в книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» // Вестник ЮрГУ, Серия «Лингвистика» 2017. Т. 14. № 2. С. 34-36. DOI: 10.14529/ling170204

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка. М.: Академический проект; Альма-Матер, 2008. С. 521-539.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.

Сурикова Т.И. Журналист, аудитория, власть: лингвоэтические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ // Язык СМИ и политика. М.: МГУ, 2012. С. 2012 -242.

Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика-5. Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2004. С. 126-138.

REFERENCES

Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. L.: Prosveshchenie, 1981. – 295 s.

Verhovskij A.M. «Yazyk vrazhdy» protiv obshchestva: sbornik statej 2007. M.: Sova, 2007. – 268s.

Brinev K.I. Spravochnik po sudebnoj ekspertize. M.: LIB-ROKOM, 2016. – 200 s.

Vepreva I.T. YAzykovaya refleksiya v postsovetskuyu epohu. M.: OLMA PRESS, 2005. – 384s.

Vojnikanis E.A. YAzyk SMI: pravovye problemy// YAzyk sredstv massovoj informacii. M.: Akademicheskij proekt; Al'ma-Mater, 2008. S. 216-226.

Dzhaloshinskij I.M. Komu vygodno tirazhirovanie neterpimosti? // YAzyk moj. Problema etnicheskoy i religioznoj neterpimosti v rossijskikh SMI. M.:ROO «Centr Panorama», 2002. S. 100-114.

Evstaf'eva A.V. «YAzyk vrazhdy» v sredstvakh massovoj informacii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funkcionirovaniya. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov: 2009. – 26s.

Kara-Murza E.S. Lingvoppravovoj konflikt kak ob"ekt issledovaniya v lingvokonfliktologii // YUrislingvistika-10. Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2010. S. 114-124.

Sadova T.S. Metazykovaya refleksiya rossijskikh SMI: po-russki govorya // Rusistika v HKH1 veke: Tendencii i napravleniya razvitiya. Erevan: Izd-vo EGU, 2019. S. 128-132.

Sveshnikova N.V., YAgybova M.A. Vlast' snizhennogo slova v yazyke SMI // Problemy rechevoj kommunikacii. 2004. Vyp. 4. Vlast' i rech'. Saratov: Sarat. gos. un-t, 2004. S. 120-128.

Serebryakova A.YU. Invektiva kak semanticheskoe sredstvo vyrazheniya ekstremizma v knige F. Nische «Tak govoril Zaratustra» // Vestnik YUrGU, Seriya «Lingvistika» 2017. T. 14. № 2. S. 34-36. DOI: 10.14529/ling170204

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Ekspressivnye sredstva v yazyke sovremennoj gazety: tendencii i ih kul'turno-rechevaya ocenka. M.: Akademicheskij proekt; Al'ma-Mater, 2008. S. 521-539.

Smetanina S.I. Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie processy v yazyke i stile zhurnalistiki konca HKH veka). SPb: Izd-vo Mihajlova V.A., 2002. – 383 s.

Surikova T.I. ZHurnalist, auditoriya, vlast': lingvoeticheskie aspekty vzaimodejstviya v politicheskom diskurse SMI // YAzyk SMI i politika. M.: MGU, 2012. S. 2012 -242.

SHarifullin B.YA. YAzykovaya agressiya i yazykovoe nasilie v svete yurisingvistiki: problema invektivy // YUrislingvistika-5. Barnaul: Izd. Alt. un-ta, 2004. S. 126-138.

©Руженцева Н.Б., 2022

Руженцева Наталья Борисовна – профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Ур-ГПУ

Адрес: 620131, Екатеринбург, ул. Татищева, 77.

E-mail: verbalis@mail.ru

Natalia Borisovna Ruzhentseva – Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language

Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).